

ВОЛОГОДСКИЯ КРУЖЕВНИЦЫ.

I.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ полиціями въ вологодской статистической комитетъ, въ городахъ Вологодской губерніи считалось въ 1862 г. ремесленниковъ 2,164; въ томъ числѣ: мастеровъ 1,146, работихъ 611 и учениковъ 107.

По роду занятій это были: хлѣбники, мясники, булочники, кандитеры, колбасники, прянничники, пиртные, сапожники, модистки, шляпники, башмачники, скорняки, печники, столяры, мѣдники, шорники, каретники, кузнецы, трубочисты, плотники и т. п.

Я прерываю этотъ списокъ, вообще очень длинный, чтобы не утомлять вниманія читателя. Но еслибы читатель захотѣлъ провѣрить мои слова и обратилъ бы свое благосклонное вниманіе на 109 и 110 стр. Памятной книжки Вологодской губерніи на 1864 годъ, то онъ удостовѣрился бы, что на этихъ двухъ страницахъ перечислены рѣшительно всѣ ремесла, кроме кружевнаго.

Или кружевное занятіе такъ ничтожно, что о немъ не стоитъ и упоминать? Но въ губерніи всего на-все 3 колбасника, 5 шляпниковъ, 6 каретниковъ, 2 позолотчика, однако они въ спискѣ помѣщены. Или кружевное лѣло вовсе не ремесло? Въ такомъ случаѣ, что же оно такое?

Я нисколько не ошибусь, если скажу, что кружевничество дѣйствительно не ремесло; оно состояніе. Конечно, это не оправдываетъ невниманія вологодскихъ статистиковъ къ своимъ кружевницамъ, невниманія тѣмъ болѣе неизвинительного, что кружевницы составляютъ въ Вологдѣ совсѣмъ особый слой населенія бѣдствующаго, голодающаго и унижаемаго, занимающаго подвалы этажи.

Только нужда, да и нужда неисходная, дѣлаетъ женщину кружевницей; а читатель знаетъ и безъ меня, что значитъ быть бѣднымъ и какъ русскій человѣкъ любить поломаться надъ тѣмъ, кого онъ благодѣтельствуетъ.

Къ русскому обществу, особенно такихъ медвѣжьихъ угловъ, какъ нашъ сѣверо-востокъ, примѣняются лучше всего слова Вольтера; когда кто-то скажетъ ему: «бѣдность не порокъ», Вольтеръ отвѣтилъ: «хуже». И дѣйствительно бѣдность хуже порока, потому что каждый богатый дуракъ можетъ надѣяться ломаться.

Въ Вологдѣ кружевничество, если и не считается презрѣннымъ трудомъ, то и никто не глядитъ на него, какъ на занятіе почетное. «Вы чѣмъ занимаетесь?» спрашиваетъ бѣдно одѣтую дѣвушку хорошо одѣтая барыня. «Плету кружева», отвѣчаетъ бѣдно одѣтая дѣвушка. «А, плетете кружева!» И на лицѣ хорошо одѣтой барыни является выраженіе сожалѣнія и губы ея складываются трубочкой.

А между тѣмъ, у той же самой барыни губы остались бы въ нормальномъ положеніи, еслибы бѣдно одѣтая дѣвушка отвѣтила ей, что она башмачница, модистка, или какая-нибудь другая цеховая ремесленница.

Происходитъ это оттого, что въ томъ или другомъ случаѣ является разная ассоціація идей; являются иные представленія, можетъ быть даже и несознаваемые хорошо одѣтой барыней.

Со словомъ башмачинца рисуются въ воображеніи барыни башмаки, ботинки; со словомъ модистка — платья и шляпки; можетъ быть смутно мелькаетъ мысль о несовѣтѣ строгомъ образѣ жизни дѣвушки и только.

Но съ словомъ кружевница, кружева отступаютъ на второй планъ, ихъ вытѣсняетъ представленіе о бѣдности — и больше ни о чёмъ. Башмачницы, модистки могутъ быть если не богаты, то обезнечены; они могутъ жить въ довольствіи, наслаждаясь на досугѣ любовью, но кружевница всегда бѣдна и любовью не занимается.

Кружевницы — это дочери бѣдныхъ, преимущественно отставныхъ чиновниковъ, нуждающихся дѣячковъ, пономарей, голодающихъ мѣщанъ. Они живутъ въ своихъ семействахъ — съ родителями, братьями, и заполняютъ своимъ трудомъ тѣ прорѣхи домашняго хозяйства, невыполненіе которыхъ создаетъ бѣдность, пограничную съ нищетой.

Бываютъ случаи, когда кружевничество служить единственнымъ средствомъ существованія; когда мать и дочь своей работой поддерживаютъ всю семью и большаго отца, отставнаго чиновника, и малолѣтнихъ дѣтей; когда сестра содержитъ своихъ братьевъ, учащихся въ гимназіи или въ училищѣ; бываетъ и такъ, что дочери добываютъ кружевами не только на хлѣбъ и на квартиру, но и на водку своему вѣчно пьяному отцу. Такое кружевничество несчастіе; это гордое нищенство, непросащае милостины.

Семейства, въ которыхъ занимаются плетеніемъ кружевъ, всегда самыя бѣдныя; особенно если кружевничество служить единственнымъ источникомъ существованія. Оно даетъ ровно столько, что можно жить не ходя по міру; но не столько, чтобы при безталанности можно было обходиться безъ пріращиванія. Это-то пріращиваніе и бросаетъ на кружевницъ невыгодную тѣнь. Пріращиваютъ не всѣ — можетъ быть наиболѣе бѣдныя и недостаточно гордыя, чтобы не пользоваться чужими милостями; но на всѣхъ кружевницъ

падасть отъюокъ нищенства и со словомъ кружевница является понятіе о безпомощности, возбуждающей сожалѣніе и нуждающейся въ подаяніи.

Вотъ причина, что кружевницы не пускаются дальше передней и между богатыми барынями есть даже такія, которыхъ наслаждаются ихъ унижениемъ и подобострастіемъ.

Я согласенъ съ тѣмъ, что приращиваніе есть недостатокъ чувства собственного достоинства; но впервыхъ я не понимаю, почему слѣдуетъ оскорблять даже того, въ комъ мало этого чувства, а во вторыхъ — и тѣмъ болѣе — за что оскорблять тѣхъ, кто заявляетъ свое право на уваженіе. Я могъ бы привести и факты въ подтвержденіе своихъ словъ, но не желаю, чтобы ихъ сочли за личности.

Факты эти не имѣютъ конечно міровой важности; но въ мірѣ вологодскихъ кружевницъ они важны, ибо уясняютъ отношенія заказчицъ къ работницамъ. Ты бѣдный человѣкъ, и потому ты долженъ передо мной стоять, а я передъ тобой могу сидѣть; ты курить при миѣ не смѣешь, а я курить при тебѣ могу.

Дѣйствительно между кружевницами, преимущественно изъ мѣщанокъ, есть такія, которыхъ тщеславятся передъ своими собратьями, когда какая-нибудь барыня пригласитъ ее сѣсть, а тѣмъ болѣе предложитъ ей чашку чая. Честь, безъ сомнѣнія, очень большая. Есть между кружевницами и такія, которыхъ, продавъ кружева, приращиваютъ въ придачу какое-нибудь старье, или даже что-нибудь съѣстное. Но въ то же время не менѣе справедливо и то, что кромѣ попрошачекъ есть между кружевницами женщины очень умныя и даже начитанныя, владѣющія болѣшимъ чувствомъ достоинства, чѣмъ тѣ, кто ихъ желаетъ держать въ своихъ переднихъ.

Причина этого смѣшненія крайностей заключается въ томъ, что кружевничество есть явленіе аналогичное съ европейскимъ пролетаріатомъ. Четвертое сословіе Европы оттянуло къ себѣ соки изъ всѣхъ слоевъ общества; въ рядахъ пролетаріата вы найдете и разорившагося графа и однокаго поденщика. Тоже самое и въ кружевничествѣ. Плетеніе кружевъ есть якорь спасенія для бѣдной безпомощной женщины, для всякой семьи, постигнутой внезапной бѣдностью. Отъ этого идетъ кружева и мѣщанка, и пономаревна, и дьячиха, и дочь чиновника, и вдова чиновника, и обѣнившая помѣщица. Всякая нуждающаяся женщина, къ какому бы слою она не принадлежала и какимъ бы ни владѣла образованіемъ, можетъ сдѣлаться кружевницей. Такимъ образомъ, кружевничество есть вицѣній признакъ извѣстнаго экономического состоянія, есть особый видъ бѣдности, особый видъ общественного положенія. Въ этомъ и причина, что люди съ сословными предразсудками и обезнеченные, при словѣ кружевница, проникаются внезапно чувствомъ самодовольства, и придаютъ своему лицу и всей фигурѣ видъ высокомѣрія. Это своего рода кокетство; красавица смотритъ всегда съ сожалѣніемъ на свою безобразную подругу и также смотритъ богатая барыня на бѣдную кружевницу.

II.

Когда явилось кружевное дѣло въ Вологодской губерніи, я этого не знаю; но что оно было вызвано барствомъ — это совершенно вѣрно.

Въ старину плетенiemъ кружевъ занимались въ купеческихъ домахъ, ввидѣ домашняго рукодѣлья и только на потребности семьи. Но когда вкусы къ кружевамъ распространялся въ средѣ избраннаго общества и стала усиливаться на нихъ запросъ, плетеніе кружевъ приняло промышленный характеръ. Бѣдные люди нашли, что дѣло это для нихъ выгодно и число кружевницъ, увеличиваясь каждый годъ, дошло дотого, что въ настоящее время кружева плететь почти вся Вологда, или точнѣе, все населеніе вологодскихъ чердаковъ и подваловъ или первыхъ этажей. Только дворянство да купечество не занимаются плетенiemъ кружевъ, и кружевницъ вы не найдете на *дворянской улицѣ*; а затѣмъ ониъ почти во всякомъ домѣ.

Есть семьи, въ которыхъ плетенiemъ кружевъ занимаются круглый годъ и кружевничество составляетъ ихъ специальность. Это преимущественно вдовы или семейства отставныхъ чиновниковъ, неимѣющія своихъ домовъ и земли. Другія семейства — духовнаго званія или мѣщанскіе, занимаются лѣтомъ обработкой своихъ огородовъ, а кружева плетутъ зимой. У послѣднихъ плетеніе кружевъ является подспорьемъ, и вырученныя деньги идутъ на туалеты прекрасному полу и частію на поддержку домашняго хозяйства.

Какъ въ другихъ мѣстахъ каждую дѣвочку учать шить по канвѣ, вышивать гладью или тамбуромъ, такъ въ Вологдѣ обязательнымъ рукодѣльемъ является плетеніе кружевъ. Дѣвочку пяти лѣтъ сажаютъ уже за коклюшки и начинаютъ приготавливать изъ нея будущую кружевницу. Даже люди вполнѣ обеззначеніе учать своихъ дѣтей плести кружено; конечно, это дѣлается не для того, чтобы дать имъ возможность добывать своимъ трудомъ кусокъ хлѣба, а больше ввидѣ празднаго занятія; но какъ съ другой стороны никто не можетъ знать, какая судьба постигнетъ будущую барышню, то и выходитъ, что нѣть худа безъ добра.

Для женщинъ, живущихъ своимъ трудомъ, плетеніе кружевъ является самымъ выгоднымъ занятіемъ. Можно жить, правда, и вязанiemъ чулокъ, шарфовъ, шитьемъ бѣлья; но эти рукодѣлья далеко не представляютъ тѣхъ выгодъ, какія представляеть плетеніе кружевъ. Ни чулки, ни шарфы не имѣютъ такого сбыта. Свижи пару чулокъ или шарфъ, да и ходи съ ними по городу, изъ дома въ домъ. Кружева не то. Недостаетъ въ семьѣ соли или хлѣба и тотчасъ же несуть кусокъ кружевъ къ скучицѣ, и та немедленно выплачиваетъ деньги. Были бы только готовыя кружева, а въ сбытѣ ихъ не встрѣчается никогда остановки, благодаря тому, что матушка Россія обширна и во всѣхъ концахъ ея живутъ барышни, которымъ необходимы кружевые рукавчики, воротнички, пелеринки, вуали и т. д.

Это обстоятельство дѣлаетъ плетеніе кружевъ занятіемъ прочнымъ и даетъ ему перевѣсъ передъ всѣми остальными видами женскаго труда. Конечно,

нельзя сказать, чтобы для вологодскихъ кружевницъ не существовало никакихъ опасностей. Съ вологодской работой конкурируютъ кружева орловскія, отличающіяся большимъ изяществомъ рисунка и исполненія. Но съ другой стороны вологодскія кружева славятся большою прочностію. Несмотря однако на это, еслибы Орлу вздумалось повести въ Петербургъ кружевъ въ подавляющемъ количествѣ, то вологодская прочность не помогла бы, и вологодскія кружева пришлось бы продавать за безцѣнокъ. Къ счастію для вологодскихъ кружевницъ этого не бываетъ. Другимъ зловреднымъ обстоятельствомъ, вирочемъ исключительного свойства, является война. Такъ въ крымскую войну значительно уналь спросъ на вологодскія кружева. Какія причины вызвали это уменьшеніе спроса, я объяснить не берусь; но если значительная и вообще богатыя барыни, отказавшись украшать себя кружевами, думали этимъ сдѣлать сокращеніе въ русскихъ военныхъ расходахъ или досадить англичанамъ и французамъ, то они далеко не достигли своей цѣли; — ихъ воздержаніе отразилось только на желудкахъ бѣдныхъ вологодскихъ кружевницъ и больше ни на комъ; сдѣдовательно патріотическое побужденіе привело къ результату вовсе не патріотическому.

Изъ того, что я говорилъ о выгодахъ кружевнаго производства предъ остальными видами женского труда, пусть читатель не составляетъ преувеличенного понятія о выгодѣ нлетеніи кружевъ. Повторю еще разъ, что кружева даютъ ровно столько, что кружевницы не ходятъ по миру. Изъ этого читатель составитъ уже и самъ заключеніе о томъ, какъ должно быть выгодно вязаніе чулокъ и шарфовъ. Но сдѣлывающія цифры покажутъ нагляднѣе размѣръ выгодности плетеній кружевъ.

Въ кружевномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, величина заработка зависитъ отъ прилежанія работницы и качества работы. Такъ, напримѣръ, есть узенькая кружева, въ палецъ шириной, которая продаются по 15 до 20 к. за десять аршинъ, даже и дешевле; но есть кружева того же самого рисунка и размѣра, которыхъ нельзя купить дешевле 1 руб. за тотъ же десятокъ. Первая дешевы потому, что ихъ нлетьуть дѣти, сдѣдовательно грязно и неровно; вторая же нлетьеть отличная мастерица съ математической точностью и съ безукоризненной чистотой. Первая могутъ быть дешевы, какъ ученическая работа, какъ трудъ производителя, живущаго на чужомъ хлѣбѣ; вторая должны быть дороже, потому что работница живеть исключительно своимъ трудомъ.

Несмотря на эту разницу въ цѣнѣ, работа высшаго качества окупается вовсе не соотвѣтственно этой разницѣ. Одна и та же работница, работая кое-какъ, можетъ сплести въ день дурнаго сорта кружевъ 3 аршина и, сдѣдовательно, заработать около 5 коп.; а при тщательной работѣ она нанедетъ хорошихъ кружевъ только $1\frac{1}{4}$ аршина или заработаетъ $12\frac{1}{2}$ копеекъ, сдѣдовательно качество работы возвышаетъ цѣну изделия въ пять разъ; а заработка возвышается только въ два съ половиной раза. Очевидно, что практика установила отношеніе невѣрное, или, иначе, что хорошо сдѣланное кружево продается дешевле, чѣмъ бы сдѣдовало, благодаря только тому об-

стоятельству, что цѣна устанавливается минимумами потребностей и конкуренцію голодящихъ работницъ.

Зарабатывая только $12\frac{1}{2}$ к. въ день, существовать невозможно. Кружевницы знаютъ это очень хорошо и все-таки онѣ понизили цѣну. А понизили онѣ цѣну потому, что число кружевницъ не уменьшается, а увеличивается, т. е. увеличивается число нуждающихся людей въ болѣйшей пропорціи, чѣмъ запросъ на ихъ трудъ.

Въ такомъ затруднительномъ положеніи пришлось искать спасенія снова въ качествѣ работы, т. е. всѣхъ тѣхъ, у кого нѣтъ никакого другаго подспорья и приходится жить исключительно кружевной работой, нужда заставила приняться за кистеніе крупныхъ и изящныхъ вещей, какъ тальмы, вуали, наколки, чепцы, широкихъ кружевъ.

Для изготавленія такихъ вещей требуется извѣстная степень умственного развитія и довольно высокая степень искусства. А какъ то и другое дается въ удѣль не всѣмъ, то съдовательно и высшій заработка достается только некоторымъ.

Какъ же великъ этотъ высшій заработка и какъ легко онъ достается?

Первой здѣшней кружевницѣ было заказано недавно сплести *пол-аршин* кружевъ въ вершокъ шириной; кружево было тонкое, вродѣ брюсельскаго. Работая по два часа въ день, кружевница сплела $1\frac{1}{2}$ аршина только въ девять недѣли, и за эту работу получила 1 рубль. Читатель, конечно, можетъ сдѣлать кружевницѣ упрекъ въ лѣни. Еще бы не голодать, когда работаетъ всего два часа въ день! Справедливо. Но дѣло въ томъ, что мелкое кружево невозможно плести долго, глаза утомляются до слезъ; вѣдь барыня, заказавшая роскошное кружево, конечно не обезпечить кружевницу на всю жизнь, если она лишится на немъ зрѣнія. Изъ этого примѣра читатель можетъ усмотретьъ, что кружево для оторочки батистового платка, только одного платка, можетъ быть сплетено не менѣе, какъ въ 3—4 мѣсяца; а для оторочки дюжины платковъ одна кружевница должна проработать отъ 3—4 лѣтъ.

Я не хочу сказать этимъ, что трудиться 3—4 года такъ ужасно; люди обыкновенно трудятся весь свой вѣкъ и безъ труда жить невозможно; но я хочу сказать то, что предметъ такой пустой роскоши, какъ кружево на новомъ платкѣ, достается сытымъ и счастливымъ барышнямъ съ слишкомъ дешево.

Изъ всего этого однако не слѣдуетъ, что работая брюсельское кружево только два часа въ день, кружевница остальное время сидѣть праздно. Кружевница праздной быть не можетъ, ибо каждая даромъ пропавшая минута отзывается лишениемъ въ какой-нибудь настойательной необходимости. Вологодскія кружевницы расчитываютъ свое время лучше англичанъ, и если у насъ въ литературѣ высказывалась мысль о томъ, что русскій человѣкъ не понимаетъ цѣны времени, то упрекъ этотъ уже никакъ не можетъ падать на вологодскихъ кружевницъ. Вологодскія кружевницы достойны самого глубокаго уваженія; это не тотъ сортъ женщинъ, съ высшими стремленіями,

который возносится постояню своими мечтами къ чему-то очень отдаленному и хотя прекрасному, но тѣмъ не менѣе неясному и смутному, который, въ своей дѣтской невинности, просить научить ихъ, что дѣлать и въ ожиданіи, что такие наставники къ нимъ явятся, сидятъ съ сложенными руками и занимаются праздными разговорами; вологодскія кружевницы—женщины иного закала; это активныя, практическія существа, не занимающія никакими усладительными мечтами и вздорами, разлабляющими нервы; они честныя труженицы, содержація своихъ старыхъ, а подъ часъ и пьяныхъ отцовъ, воспитывающія своихъ братьевъ и сестеръ, они дѣвушки скромныя и строгой нравственности, не желающія жить на счетъ своихъ отцовъ и братьевъ. Они уважаютъ трудъ и хотятъ жить своимъ трудомъ. Случай, который я здѣсь приведу, разумѣется, не можетъ служить общимъ нравиломъ; но онъ все-таки фактъ, заслуживающій вниманія. Одной 13-ти лѣтней дѣвочкѣ, будущей кружевницѣ, крестный дядя подарилъ на лакомство 20 коп. Дѣвочка такъ этимъ обидѣлась, что проплакала цѣлый день. «Я сама могу выпустить на 20 к. не хуже его денегъ, я сама наработаю себѣ и на лакомство, и на платье», повторила она иѣсколько разъ. Люди, которые дѣтьми умѣютъ уже такъ обижаться, создадутъ поколѣніе не разлабленныхъ, нрапидныхъ голубицъ или попрошаекъ; а поколѣніе гордое, нравственно-здравое, энергичное и трудолюбивое.

Вирочемъ, если теперешнія кружевницы не вѣтъ такъ горды, зато вѣтъ безъ исключенія прилежны, какъ муравы, и вѣтъ расчитываютъ всякую минуту. Кружевницы работаютъ обыкновенно отъ 8 часовъ утра до 12 часовъ ночи, или 16 часовъ въ день. Филантроны огорчаются, если на фабрикахъ заставляютъ работать болѣе 10 часовъ. Новсюду, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ принимаются мѣры, чтобы не обременять слишкомъ работой ни взрослыхъ, ни дѣтей, и мѣры филантроповъ имѣютъ полный успѣхъ, ибо приходится бороться съ открытымъ врагомъ—съ фабрикантами, которымъ можно приказать сократить число рабочихъ часовъ. Но врагъ кружевницъ, швей, врагъ, заставляющій ихъ просиживать по 16, а иногда даже по 20 часовъ въ день, врагъ скрытый; ему нельзѧ ничего приказать административнымъ порядкомъ, потому что этотъ врагъ бѣдность, противъ котораго беспомощны филантроническія мѣры. Кружевница должна сидѣть такъ долго, ибо иначе ей грозитъ голодная смерть. Даже и при усидчивомъ трудѣ она едва добываетъ себѣ средства существованія; возможно ли же для нея сокращеніе рабочаго времени?

Работница средней руки можетъ заработать въ день копѣекъ 20. Заработокъ въ 25 или 30 к. считается уже большимъ, а въ 40 или 45 коп.—случайная рѣдкость, о которой кружевницы говорить съ гордостью и съ весьма извинительнымъ чувствомъ тщеславія, желая выставить въ выгодномъ свѣтѣ свое занятіе. Вирочемъ послѣднему показанію довѣрять не слѣдуетъ; оно всегда подсказываетъ хвастливостію и дѣлается людямъ, незнакомымъ съ кружевнымъ дѣломъ. Если обратить вниманіе на то, что кру-

жевницы желаютъ скрывать свою бѣдность, то ихъ невинная ложь оказывается не больши, какъ неудачной стратегической хитростю.

Но если кружевница можетъ заработать ту или другую плату, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она зарабатываетъ ее въ дѣйствительности. 40 и 45-ти копѣчный заработка, какъ случайная рѣдкость, выходитъ изъ общаго правила; о немъ поэтому и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что излишекъ заработка, случайно набѣжавшаго счастливаго дня, уходить на наполненіе недовыручки дня неудачнаго. Среднимъ максимумомъ заработка кружевницы считаются 30 к. въ день. Но и эти 30 к. только возможность, а не дѣйствительность. Кто живеть кружевами, тѣ прислуги имѣть не въ состояніи; самимъ имъ нужно истощить печи и приготовить кушанье, сходить на рынокъ и подмети комнаты. Много ли, мало ли уходитъ на все это времени. вопросъ другой, а время все-таки уходитъ. Хорошо, если есть въ семье подростки-дѣвочки, онѣ помогутъ; если же ихъ нѣть, то самое мелочное домашнее дѣло должна дѣлать сама кружевница. Наконецъ кружевницѣ нужно подумать и о своемъ гардеробѣ; портнихѣ платить ей не изъ-чего, чулочницѣ тоже. Слѣдовательно, на шитье новыхъ вещей, на починку и возстановленіе старыхъ, на вязанье чулокъ для себя и для домашнихъ нужно опять время. Понятно, что при такомъ обиліи работы приходится расчитывать каждую минуту, бѣсть урывками и не тратить времени на пустые праздные разговоры. Вотъ почему вы увидите, что во время чаю или, когда придутъ вечеромъ непрошеные гости, кружевница вяжетъ чулокъ или занимается какой-нибудь подобной, нетребующей большаго вниманія работой.

Этотъ вѣчный, неустанный трудъ, постоянная мысль о томъ, что нужно сдѣлать то или другое, чтобы поддержать домъ въ порядкѣ, дѣлаетъ жизнь кружевницы если и не настоящей каторгой, то и далеко не уподобляеть ее спокойному обезпеченому положенію прекрасныхъ особъ, для которыхъ работаютъ кружевницы.

Конечно, человѣкъ привыкаеть ко всему; рассказываютъ про одного пидѣйца, приговоренного спать на доскѣ, утыканной гвоздями, что онъ, проспавъ на ней 18 лѣтъ, такъ привыкъ къ этому новому виду постели, что когда его простили, онъ уже самъ, до конца дней, спалъ на ней добровольно. Такжѣ можно привыкнуть и къ лишніямъ, и къ вѣчнымъ заботамъ. Но вопросъ не въ привычкѣ, а въ томъ, выгодно ли обществу, если иѣкоторые изъ его членовъ должны привыкать къ низкому уровню потребностей, должны страдать вѣчно отъ нищеты и лишній. Подумайте, каково тѣмъ бѣднымъ семействамъ чиновниковъ, которыхъ отставка отца сшибаетъ сразу съ прежнихъ и безъ того уже скучныхъ удобствъ жизни. Изъ квартиры, хотя и тѣсной, приходится перебраться въ подвалъный этажъ, уволить единственную работницу, самимъ таскать воду и дрова. А если къ этому постигнетъ кого-нибудь изъ членовъ бѣднѣи, если отставной старый отецъ попиваеть! И эту бѣду должна нести на своихъ плечахъ опять кружевница. Счастіе, если человѣкъ способенъ привыкнуть къ нищетѣ, можетъ сдружиться съ нею. Положимъ, что обществу во всемъ его объемѣ невыгодно, если въ немъ

есть люди, способные привыкать къ бѣдности; но зато имъ самимъ это легче, они менѣе несчастны; а если человѣкъ къ низкому уровню привыкнуть не въ состояніи? Онъ превращается въ вѣчного мученика и страдальца.

Чтобы читатель не обвинилъ меня въ сантиментальничаны, я представлю ему факты, которые помогутъ ему лучше понять положеніе кружевницъ.

Среднимъ числомъ лучшая кружевница зарабатываетъ въ день 20 к. Первая кружевница въ городѣ, которую я знаю, зарабатываетъ съ своею матерью только 10 р. въ мѣсяцъ или 120 р. въ годъ. Горничная, получающая жалованья только 5 р. въ мѣсяцъ, обеспечена лучше, ибо имѣть готовую квартиру и столъ. Но кружевница, по своему развитію, выше горничной, иначе она бы и не была кружевницей. Въ ней есть чувство достоинства, безъ котораго прислуга обыкновенно обходится довольно удобно. Изъ этихъ несчастныхъ 10 р. нужно истратить въ мѣсяцъ на квартиру и дрова 3 р., на чай и сахаръ $1\frac{1}{2}$ р., затѣмъ остается $5\frac{1}{2}$ р. на все оставшееся — на пищу и одежду. Хороша должна быть эта ниша, когда фунтъ хлѣба стоитъ $2\frac{1}{2}$ к., а фунтъ говядины 5 к.! Что же остается на одежду?

Да и эти десять рублей въ мѣсяцъ достаются только потому, что кружевница изготавливаетъ и продаетъ кружевные узоры. Продажа узоровъ самое выгодное въ кружевномъ дѣлѣ. Рисунокъ для обыкновенного аршиннаго кружева, въ вершокъ шириной, продается по 15 к., а рисунокъ воротничка или рукавчиковъ по 20 к. Процессъ изготавленія подобныхъ рисунковъ очень простъ: на бумажкѣ выводится узоръ карандашомъ, затѣмъ подъ эту бумажку подкладывается нѣсколько листовъ бумаги такой же величины и всѣ они прокалываются сразу иглой по рисунку, выведенному карандашемъ по верхней бумажкѣ.

Еслибы на рисунки существовалъ постоянный и большой запросъ, то изготавленіе ихъ было бы дѣломъ действительно выгоднымъ. Но новые рисунки являются не каждый день; въ годъ ихъ явится отъ 10 до 15 не больше. Даѣтъ съ составительницами рисунковъ конкорируютъ кружевницы и незанимающіяся этимъ дѣломъ. Такая кружевница, купившая новый узоръ, положимъ за 15—20 к., чтобы воротить свой расходъ, склоняется съ узора нѣсколько копій и продаетъ ихъ другимъ кружевницамъ за 5 до 10 к. за каждую. Эти дешевыея копіи расходятся гораздо быстрѣе, потому что каждая кружевница, купившая копію, дѣлаетъ съ нея новую копію, которую продаетъ съ новой уступкой еще болѣе бѣднымъ кружевницамъ или же дарить рисунокъ своей бѣдной подругѣ. Такимъ образомъ, рисунокъ дѣляется извѣстенъ всѣмъ и забирается въ каждую мастерскую. Вновь явившійся рисунокъ точно такимъ же образомъ распространяется въ безчисленномъ числѣ копій и т. д. Узоръ, забравшійся во всѣ мастерскія, уже теряетъ свою цѣну; ибо въ кружевѣ новизна рисунка цѣнится очень высоко. Галантывымъ и тутъ выгода. Вотъ примѣръ. Какая-нибудь госпожа заказываетъ кружевницѣ рукавчики по новому рисунку. Кружевница за первую работу, по новому узору, береть съ госпожи 2 р. 20 к. за пару. Но какъ 2 р. 20 к. кажутся госпожѣ платой нѣсколько высокой, а кружевница меньше не береть, то для из-

готовася второй, третьей и т. д. пары приглашается кружевница мастерская, которая и берется плести по 2 р. за пару. Но этой кружевницѣ нуженъ узоръ. Узоръ этотъ она покупаетъ за 20 к. у первой кружевницы. Такимъ образомъ искусствая кружевница, изготавлиющая первую вещь по новому рисунку, береть за нее 2 р. 20 к.; а кружевница менѣе искусствая за такую же вещь получить всего 1 р. 80 к. Конечно расходъ на узоръ она старается вознаградить частію продажей коцкій, а частію онъ покрываются послѣдующими рукавчиками, которыя она продаеть по 2 р. за пару; итакъ неменѣе первая пара приносить искусствой кружевницѣ все-таки 2 р. 20 к.; а менѣе искусствой только 1 р. 80 к.

Въ кружевномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, есть свои прогулы. Время уходитъ на приемъ заказа, на относъ заготовленной вещи, на занятія по домашнему хозяйству. Прогулы эти такъ-сказать штатные; но есть прогулы случайные. Лѣтомъ, въ теченіе іюля и августа, работы бываетъ обыкновенно менѣе, а иногда и совсѣмъ не является заказовъ и потому, кто не запасается работой заблаговременно, долженъ просидѣть эти мѣсяцы сложа руки и жить на сбереженіе, сдѣланное зимой. Но самый тягостный и убыточный прогулъ есть внезапная болѣзнь.

Заработка въ 120 р.—считая въ томъ же числѣ и материалъ—добывается семьей, въ которой двѣ искусствыя работницы; но что же достанетъ кружевница неискусная? Достанеть она то, что дастъ Богъ. Занимаясь плетеніемъ аршинныхъ кружевъ, заработать многаго нельзя—коцкѣкъ 5 до 10 въ день; сѣдовательно отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 р. въ мѣсяцъ. А какъ на эти деньги существовать рѣшительно невозможно, питаясь даже однимъ роженымъ хлѣбомъ, то изъ этого слѣдуетъ тотъ выводъ, что отдельно живущей кружевницѣ существовать одними кружевами невозможно. Вотъ почему это занятіе возможно только или въ семействахъ или ввидѣ подспорья къ другимъ источникамъ дохода, какъ, напримѣръ, въ семействахъ служащихъ чиновниковъ, дѣяковъ, пономарей.

Плетеніе кружевъ, какъ подспорье, обнаруживаетъ однако вредное влияніе на совокупность всего производства, ибо дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на цѣну кружевъ и, сѣдовательно, на размѣръ заработка. Для тѣхъ кружевницъ, какъ напр. дочери служащихъ чиновниковъ или пономаревны, которые имѣютъ готовую квартиру и готовое содержаніе, продажа кружевъ, при нуждѣ въ деньгахъ, за безцѣнокъ, хотя можетъ быть и тяжела, но все-таки выносима; а для тѣхъ, кто живеть кружевами специально, уступка ихъ за безцѣнокъ равносильна голодной смерти. Между тѣмъ постоянная нужда въ деньгахъ бѣдныхъ людей приведа къ тому, что цѣна на кружева упала ниже минимума. Здѣсь продаютъ десять аршинъ кружевъ въ налѣцъ шириной даже за 12 к., а искусствая мастерица можетъ наплесть ихъ въ день не болѣе 3 аршинъ, сѣдовательно въ 16 часовъ работы добудеть всего $3\frac{1}{2}$ к. сер. Еслибы съ кружевницами-специалистками не конкурировали обучающіяся дѣти и тѣ, кому плетеніе кружевъ служить только подспорьемъ, подобный упадокъ цѣны быть бы невозможенъ. Вотъ почему я говорю, что цѣна на

Кружева установилась ниже ея нормального уровня. Установлене пѣнь за-
виситъ не отъ тѣхъ, кто живетъ кружевами исключительно, а отъ тѣхъ,
кто пользуется готовой квартирой и столомъ, а частію и тѣхъ, кто не от-
личается ни талантливостію, ни довольно высокимъ уровнемъ потребностей.
А численный перевѣсъ на ихъ сторонѣ. Такимъ образомъ, на кружевной за-
работокъ обнаруживаются вліяніе не тѣ, кто стоитъ выше, а напротивъ от-
тягивающіе его книзу тѣ, кто стоитъ ниже, и это оттягивание роняетъ
уровень жизни всѣхъ кружевницъ и создаетъ для нихъ искусственную бѣд-
ность. Понятно, что бѣдной кружевницѣ, зарабатывающей въ мѣсяцъ рубля
полтора или три, невозможно жить, не приращивая или не расчитывая на
благотворительность.

Любопытно, что этотъ печальный размѣръ заработка не имѣлъ вреднаго
вліянія на честность кружевницъ. Правда, были попытки обмана, но обмана
такого невиннаго, что не знаешь, удивляться ли женской честности или жен-
ской ненебрѣтельности на плутни. Такъ нѣкоторыя изъ кружевницъ про-
бовали не доплатить до десятка одну четверть; обманъ сошелъ; потомъ пы-
тались недоплатить половину, сошло и это; болѣе рѣшительныя пошли даль-
ше и дѣло кончилось тѣмъ, что у очень отважныхъ въ десяткѣ считалось
всего семь аршинъ. Такое грандиозное плутовство конечно не осталось неза-
мѣченнымъ, покупщицы стали товаръ мѣрять и тѣмъ положили конецъ плут-
нѣ. Миѣ рассказывала одна кружевница съ ужасомъ о слѣдующей плутнѣ,
по ея мнѣнію дотого колоссальной, что ей казалось совершиенно неностижи-
мымъ, какъ это земля носить подобныхъ злодѣекъ. У одной кружевницы
кружева вышли грязными, а, можетъ быть, она, ихъ и запачкала какъ ни-
будь нечаянно. А такъ какъ кружева цѣнятся совершенно чистыя, бѣлыя,
то, о ужасъ! обманщица прибѣгла мъ слѣдующему позорному средству. Во-
оружитесь мужествомъ, читатель. Она обсыпала кружева крахмalomъ, да,
крахмalomъ, и когда принесла ихъ продавать, а тамъ ихъ начали мѣрять,
то отъ нихъ пошла пыль, и ужасный обманъ обнаружился. До сихъ поръ
еще у кружевницъ становятся волоса дыбомъ, когда они припомнинаютъ этотъ
позорный случай, бывшій когда-то очень давно. (Объ этомъ случаѣ кружев-
ница рассказывала миѣ дѣйствительно съ ужасомъ).

Другихъ случаевъ обмана неизвѣстно. И причина того очень проста. Во-
первыхъ, кружевной товаръ самъ говорить за себя; а во-вторыхъ, большин-
ство кружевницъ не простыя работницы, безъ всякаго образованія, а дочери
чиновниковъ и лицъ духовнаго званія.

Но если въ кружевномъ дѣлѣ неизвѣстна грубая плутня, то очень обык-
новенна безчестность другого рода—бѣдныя кружевницы не гнушаются за-
прищивать вдвое, особенно съ людей незнающихъ толку въ кружевахъ; или
же прибѣгаютъ къ интригѣ, чтобы отбить одна отъ другой практику. Впрочемъ
кружевницы высшаго разбора, увѣренные въ своемъ искусствѣ, дер-
жать себя съ достоинствомъ, къ такимъ уловкамъ не прибѣгаютъ и вообще
отличаются замѣчательною честностью слова. Бываетъ иногда, что кружевни-

ца на новой вещи, нового рисунка, иродешвится въ цѣнѣ и, несмотря на то, она исполнить заказъ акуратно.

Есть еще одна невыгодная сторона кружевного дѣла, имѣющая весьма важное соціальное значеніе. Плетеніе кружевъ нетолько просто механическое занятіе, но и занятіе, дѣйствующее подавляющимъ образомъ на умственныя способности. При вязаныи работница можетъ заниматься разговорами, усиленія го вниманія не требуется и умъ ея можетъ работать свободно. При плетеніи кружевъ это немыслимо; можно плести безъ особеннаго вниманія только старый, нѣсколько разъ выистенный рисунокъ. А какъ старые рисунки не въ цѣнѣ и приходится плести постоянно все новое и новое, то изъ этого слѣдуетъ, что вниманіе кружевницы должно быть поглощено постоянно ея работой. Ну, а плетеніе кружевъ совсѣмъ не такая работа, вниманіе къ которой могло бы дѣйствовать благотворно на умственныя способности. Изъ этого слѣдуетъ то, что мозгъ, подавляемый изо дня въ день одними и тѣми же впечатлѣніями, теряетъ способность возбуждаться впечатлѣніями высшаго порядка и утрачиваетъ свою силу. Однимъ словомъ, плетеніе кружевъ также убиваетъ умъ, какъ занятіе при машинахъ, и человѣкъ становится постепенно все глупѣе и глупѣе. Этому ослабленію мозга помогаетъ еще и усталость; усталость, можетъ быть, мало замѣтная, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная. Конечно привычка къ сидѣнью съ 5 лѣтъ значительно уменьшаетъ вредное влияніе кружевного ремесла. Но если обратимъ вниманіе на характеръ вологосъихъ построекъ, на отсутствіе въ подвальныхъ этажахъ форточекъ, на сырость, происходящую частію отъ низменнаго положенія подваловъ, а частію отъ застоевъ мутъ и грязи, въ г. Вологдѣ вообще изобилійной, то и безъ статистическихъ данныхъ можно утверждать положительно, что шестнадцати-часовое сидѣніе въ духотѣ, спертомъ и сыромъ воздухѣ должно сильно сокращать жизнь кружевницъ. Кружевницы сами на свое дѣло не жалуются, сицѣльныхъ болѣзней отъ него онѣ не замѣчали; знаютъ только, что какъ посидишь цѣлый день съ наклоненной винизъ головой, то сильно заболить шея; но я полагаю, что эта скромность не больше, какъ наивное невѣденіе.

До сихъ поръ мы говорили только о нечайныхъ сторонахъ кружевного дѣла; но не можетъ быть, чтобы у него не было сторонъ и свѣтлыхъ. Хотя онѣ и не особенно свѣтлы, но онѣ есть, читатель.

Первая свѣтлая сторона заключается въ томъ, что кружевное занятіе привучаетъ къ труду и къ умѣнью распоряжаться съ расчетомъ своимъ временемъ. Вторая въ томъ, что женщина, превращаясь въ экономического производителя, достигаетъ независимости и самостоятельности; наконецъ третья свѣтлая сторона въ томъ, что женщина уже съ самой первой молодости привучается цѣнить деньги, добываемыя своимъ трудомъ, и тратить ихъ не на пряники и вздоры, а на вещи существенно-полезныя, напр. башмаки, платье и въ извѣстной степени содержать себя сама.

Читатель мнѣ замѣтить, что все эти превосходныя качества не больше, какъ слѣдствіе бѣдности, заставляющей работать нетолько большихъ, но и

дѣтей, потому что трудъ однихъ большихъ недостаточенъ для содержанія семьи. Но вѣдь я и не утверждаю, что они—слѣдствіе богатства. Читатель мнѣ замѣтить еще, что всѣ эти превосходныя качества вовсе не исключительная принадлежность одиѣхъ кружевницъ, что у всѣхъ рабочихъ сословій—земледѣльцевъ, мѣщанъ, мастеровыхъ замѣчается то же самое. Этого возраженія я не оставлю безъ отвѣта. Нѣтъ, не то же самое. У всѣхъ рабочихъ сословій основная экономически-производительная сила есть мужчина, женщина—или экономическое подспорье, какъ, напр., у земледѣльцевъ или же—хозяйка дома, какъ у большей части мѣщанъ. У кружевницъ же, напротивъ, мужчина является лицомъ подчиненнымъ и беспомощнымъ, какъ въ семействахъ отставныхъ чиновниковъ или въ семействахъ вдовъ съ малолѣтними дѣтьми-мальчиками, которыхъ нужно воспитать. Даже и въ тѣхъ семьяхъ, где дочери-кружевницы, пользуясь готовымъ содержаніемъ, работаютъ себѣ на одежду, ихъ экономическая независимость и самостоятельность гораздо выше. Ни крестьянку, ни женщину мѣщанскааго состоянія вы не назовете представительницей женскаго труда, а кружевницу вы такъ назовете, потому что кружевничество есть, можетъ быть, единственный организованный видъ женскаго труда, дающій кружевницамъ характеръ корпораціи, превращающей ихъ какъ-бы въ особое сословіе, создающій изъ нихъ свой отдѣльный міръ. Чиновница, купчиха, помѣщица, дѣячиха, мѣщанка и т. д., занявшиися кружевнымъ дѣломъ, перестаетъ быть чиновницей, купчихой, помѣщицей и т. д. Она выдѣляется изъ сословія, къ которому принадлежала, и превращается въ кружевницу, и название кружевница вызываетъ въ вашемъ умѣ представление о женской экономической самостоятельности, о женскомъ труде. Жаль только одно, что это отрадное представленіе отравляется досадной мыслью о неисходной бѣдности кружевницъ.

III.

Богатая петербургская барыня, покупающая въ магазинѣ кружевную косынку за 15 руб., конечно, вовсе и не подозрѣваетъ, что вологодская кружевница получила за нее не больше 6 руб. и работала ее 320 часовъ.

Петербургскимъ покупателямъ вологодскія кружева достаются неменѣе, какъ изъ пятыхъ рукъ. Съ кружевницами случилось то же, что и со всѣми производителями, не имѣющими прямыхъ, непосредственныхъ сношеній съ потребителями. Обѣимъ сторонамъ нѣтъ выгоды, и больше 100% достается на долю кулаковъ.

Въ Вологдѣ есть двѣ главныя скувищицы и затѣмъ еще около десяти второстепенныхъ. У этихъ есть свои комиссіонерки, такъ-называемыя кубенки (крестьянки, живущія на Кубенскомъ озерѣ), у тѣхъ опять свои комиссіонерки въ Петербургѣ, которые и разносятъ кружева или по домамъ или продаютъ ихъ въ магазины.

Насколько скувищицы способствуютъ возвышенню цѣнъ на кружева, чи-

татель увидить изъ слѣдующаго примѣра. Кружевница продасть десятокъ (десять аршинъ) узкаго кружева за 15 к., окупщица перепродаетъ его кубенкѣ за 20 к., кубенка своей комиссіонеркѣ за 25 к., та въ лавку или въ магазинъ за 30 к., а изъ магазина покупатель получаетъ ихъ уже за 40 к. или дороже, слѣдовательно посредникамъ достается 20 к., т. е. цѣна кружева противъ его первоначальной цѣны вырастаетъ на 133%. Въ крупныхъ штукахъ, хорошей работы, цѣна возрастаетъ и еще болѣе.

И вологодскія кружевницы понимаютъ очень хорошо, какъ убыточнѣй для нихъ подобный порядокъ. Каждая изъ нихъ вамъ разскажетъ, что въ Вологдѣ есть купчиха, нажившаяся перепродажей кружевъ дотого, что когда у нея сгорѣли два дома, то она выстроила вмѣсто нихъ три, гораздо лучшихъ.

Кружевницы смотрятъ съ завистью на скунщицъ, ихъ очень избѣняютъ барышни; каждой кружевницѣ хотѣлось бы сдѣлаться богатой. Богатство — вѣчная мечта всѣхъ бѣдняковъ. Жаль только одного, что кружевницы, какъ и всѣ бѣдняки, больше мечтаютъ, чѣмъ думаютъ серьезно объ улучшениѣ своего положенія.

Чтобы положеніе кружевницѣ улучшилось, имъ нужно получать болѣшую задѣльную плату: копѣекъ 40 или 50 въ день; а это возможно только тогда, когда исчезнетъ конкуренція тѣхъ, кого нужда заставляетъ понижать цѣну, и когда онъ устроятъ два оптовыхъ склада — одинъ въ Вологдѣ, а другой въ Петербургѣ, и откажутся такимъ образомъ отъ услугъ кулаковъ.

При существующемъ же между кружевницами соперничествѣ и при ихъ безденежьи, подобная мысли не больше какъ мечта. Самимъ кружевницамъ не выкрутиться безъ посторонней помощи. Нужно, чтобы явился какой-нибудь Овень; нужно, чтобы онъ устроилъ митингъ кружевницъ, да еще и не одинъ; нужно, чтобы онъ растолковалъ имъ, отчего ихъ положеніе такъ печально; нужно, чтобы онъ же устроилъ и складъ и организовалъ новый порядокъ сношеній; нужно, наконецъ, и самое главное, чтобы у него было для этого капиталь, ибо безъ денегъ тутъ ничего не подѣлаешь. Найдется такой человѣкъ въ Вологдѣ — положеніе кружевницѣ улучшится; нѣть — и онъ еще долго будуть бѣдствовать, какъ бѣдствуютъ теперь.

Ноябрь, 1867 г.